

Александр Дубовой

Воин из параллельного мира

Пролог

Самое лучшее предназначение есть защищать свое отечество.

Державин Г.Р.

Летнее, раннее утро, солнечный лучик резанул по глазам, спящего человека, он, осмотрелся вокруг.

Все окружающее пространство усыпано трупами, настоящий пир для воронов и шакалов. Радует одно, погибших врагов в десятки, а то и в сотни раз больше. Они хотели взять «нахрапом», численным превосходством, растоптать сходу, нас, ничтожную горстку защитников этого ущелья. Но их планам не суждено было сбыться, они не рассчитали, что мы будем драться до конца, и их многотысячная армия вынуждена будет задержаться здесь, на несколько дней. Изо дня, в день, они будут от злости «кусать себе локти» и посылать новые и новые силы, но мы, теряя своих товарищей, не отступим, ни на шаг. Увидев, в нас достойных соперников, даже очень достойных, после первых попыток неудачных штурмов, они

предложили нам сдаться и гарантировали жизнь. После отказа, начались новые попытки, но все они были отбиты, тогда они предложили нам вступить в их армию, на очень выгодных, для нас, условиях. Но и это предложение, нас не заинтересовало. Два дня назад, они предложили нам, оставшимся в живых, мирно покинуть свои позиции и уйти, они пообещали, что нас никто не будет преследовать. Они не учли только одного, это наша земля и мы на ней хозяева! Условия «Пришлым», должны диктовать мы! Да, нас осталось слишком мало, и все мы погибнем, это неизбежно, но смерть наша не будет напрасной. За те, несколько дней, что мы держим неприятеля, в этом ущелье, успела собраться целая армия. Воины прибыли из самых дальних уголков нашей страны. Так, что врагу предстоит сильно постараться, чтобы поработить мой народ. Вполне возможно, да нет, точно, они «сломают себе зубы», об нашу армию и убегут к себе, как «побитая собака», поджав хвост. Плохо, что мы этого не увидим. Но, тем не менее, мы выполнили свой долг, мы не дали врагам, строевым маршем, пройти вглубь и захватить, врасплох, наши города. Мы сделали все возможное, чтобы оградить наших отцов, матерей, жен, детей, от издевательств и унижения, со стороны захватчиков.

На шаг впереди, от оставшихся в живых, стоял я. Я посмотрел на своих собратьев по

оружию. Зрелище не из приятных. Нас осталось человек десять, все израненные, наспех перевязанные, некоторые даже не могли стоять сами. Но в их глазах читалась ненависть к врагу, и никто из них не думал просить пощады, каждый из них держал в руках оружие и не собирался его бросать. Я со стороны, выглядел, наверное, не лучше. Щит превратился в ежик, от наконечников стрел, которые за эти дни попадали в него и которые, за неимением времени, я просто обламывал. Те же, которые насквозь пробивали, большую его часть, превратили в сито. Мой, дорогой шлем, где-то потерялся и голову мою украшал самый обыкновенный, помятый, взятый у простого, мертвого пехотинца. Доспехи были изломаны и помяты, а тело под ними, представляло собой месиво из многочисленных и перевязанных порезов. Впереди их армии стоял один из высших военачальников, за его спиной находилось, казалось, что целое море, оцетинившихся копьями и мечами людей. На губах его играла пренебрежительная улыбка. Он ждал, когда мы, кинем оружие, падем, на калении, и запросим пощады. Но как сильно он заблуждался. Не для того мы, в последний раз, сегодня, начистили свое оружие и, прошествовали строем, который, может и нелепо выглядел из-за раненых, но все же, строем, чтобы, положить свои мечи к его ногам победителя.

Сегодня мы умрем все! Может, он и победитель, но мы не проигравшие, отчасти мы спасли свою Родину! И сегодня, умирая, мы захватим с собой еще несколько жизней врагов. Тишину прервал мой боевой клич, который, казалось, шел из самой глубины души. И мы, бегом, насколько это было возможно, пошли в атаку на врага. Приближаясь, к нему я видел, как улыбка слетела с его уст, а в глазах появился страх, он попытался вырвать из ножен меч, но из-за растерянности, у него это, так и не получилось. Не останавливаясь, я, одним ударом меча, снес ему голову. Первые ряды, видя нашу атаку и смерть одного из своих военачальников, расступились. Может быть, они и рады были бы отступить, но им мешали те, кто стоял позади. Вскоре нас окружила плотная масса воинов, я видел, как один за другим падают убитыми мои товарищи. Достается и мне, ранена рука, я хватаю меч в другую, подрезают ногу, стрела пробивает правый бок, но я продолжаю драться, унося за собой, в небытие, противников. Вот, уже я, остаюсь совсем один, делаю разворот в сторону очередного врага и понимаю, все, от его копья мне не увернуться, оно пробивает грудной панцирь и входит в плоть.

Глава 1

Реалии нашего мира

Человек вне общества — или бог или зверь.

Аристотель.

Летнее, раннее утро, солнечный лучик, нашел себе лазейку, среди плотно задвинутых штор и резанул по глазам спящего человека. Я, не торопясь, разлепил веки и отодвинулся в сторону от назойливого луча. «Неплохой сон удалось мне, сегодня, посмотреть. Будь я писателем или режиссером, можно было бы взять его для сюжета. Только конец страшноватый, такое ощущения, что я, на самом деле умер, хорошо все-таки, что это всего лишь сон и я, по-прежнему, жив и здоров». — Подумал я. Откуда мне было знать, тогда, что я, простой современный человек, и на самом деле, буду вынужден надеть доспехи и взять в руки меч. Но, обо всем по порядку.

Я, это — Сигизмунд Негритянович Подкидышев, чувствую, что многим стало смешно. А представьте, каково мне, жить с таким именем, отчеством и фамилией? Нет, моего отца не звали Негритяном, и дед мой не носил фамилию Подкидышев, я, вообще, не знаю, ни отца, ни матери, ни дедушек, ни бабушек, ни других многочисленных родственников, я детдомовский.

Директор, когда я стал достаточно взрослым, рассказала, что одна из нянечек, работающая в «Доме малютки», в одно прекрасное, летнее утро, скорее всего, похожее на сегодняшнее, нашла меня на пороге своего заведения, когда шла на работу. Надо оговориться, что лежал я в корзинке, причем, как сама форма, этой корзинки, так и материал, из которого она была сделана, не поддавались объяснению. Таких растений, в наших краях, не произрастало. На совете нянечек и воспитателей, решили, что сделана она из какого — то сорта, неизвестного африканского дерева, вот оттуда и произошло мое отчество. Имя придумала, все та же нянечка, так как право выбора было за нею, по той простой причине, что именно она, первая, на меня и наткнулась. Это имя, казалось ей, верхом благородства — «Такое имя, должны носить очень сильные, гордые, идущие с высоко поднятой головой, по жизни люди!» — Сказала она, и все согласились. Над фамилией, тоже, долго, не спорили. Все пришли к выводу, что это то, что мне, действительно, подойдет. Вот так и получился — Сигизмунд Негритянович Подкидышев, то бишь — я, ваш покорный слуга.

Детство пролетело, как-то незаметно, быстро, друзья и воспитатели, называли меня ласково — «Сиги», в юности, к этому прозвищу, прибавилась еще одна буква, придающая более взрослый

оттенок — «Сигиз». Полное имя же стало, своего рода, ругательством, при ссоре с друзьями, либо при провинности, все как один называли меня — Сигизмундом. Став взрослым, я долго, никак не мог привыкнуть, что окружающие меня люди, называя меня полным именем, не пытаются оскорбить. Понимание этого, пришло только после окончания института, когда я устроился на завод инженером — технологом. Поначалу, работающие там люди, думали, что я так шучу, когда представляюсь. Потом, узнав, что это правда, немного посмеивались, но затем, неизвестно откуда, прознав, что я детдомовский и что называли меня так в «Доме малютки», даже сочувствовали, особенно пожилые женщины. Так что со временем, на заводе, мое имя и отчество звучало не страннее чем Иван Иванович. Но это только на заводе, во всех остальных местах мое имя и отчество, по-прежнему продолжали вызывать, как минимум улыбку. Куда бы я ни пришел, хоть в «Домоуправление», хоть в сберкассу, за зарплатой, в целом, в любое учреждение. Особые неудобства, создавались при встрече с девушками, никто из них не хотел иметь парня, с таким именем и фамилией, так что мне приходилось даже идти на обман. Частенько, я представлялся Сергеем, но рано или поздно обман раскрывался, и тогда очередная девушка, давала мне «от ворот — поворот». После большого

количества неудач, я, вообще, перестал знакомиться. Но в душе, до сих пор верю, что когда, ни будь, на моем жизненном пути, встретится та, единственная, которой будет наплевать на то, как меня зовут, ей буду, нужен я, а не мое имя и отчество. А что не получилось с теми, предыдущими, так это даже и к лучшему, потому как, если такая мелочь приводила к разрыву, то, как с ними можно идти по жизни, рука, об руку?

Теперь, стало понятно, что в это чудное, летнее утро, я проснулся в кровати один. После недолгих размышлений, резко соскочил, не боясь потревожить чей — то сон, в квартире проживал совершенно одиноко, и тревожить мне, было некого. Кого-то, наверное, удивит, что у молодого парня, да еще «Детдомовца», у которого никогда не было родственников, имеется отдельная, двухкомнатная квартира, да еще в центре города. Не переживайте, никакими аферами я не занимался и не убивал никакой старушки, с целью завладения ее жилплощадью. Все, до банального просто на заводе мне дали ссуду, причем, в простых рублях, в коих никак нельзя приобрести себе жилье, поэтому я перевел их в доллары, а затем нашел и купил, эти апартаменты. Поначалу переживал, что придется под затянуть пояс и питаться хуже, так как львиная доля зарплаты уходила на погашение ссуды, и продолжаться все это, должно было много лет, я,

даже подумывал, не устроиться мне еще куда-нибудь. Но пока я был в поисках второй работы, жизнь внесла свои коррективы, деньги стали обесцениваться, поползла инфляция, а если быть предельно точным, то не поползла, а поскакала семимильными шагами. Так что буквально, за каких-нибудь полгода, я расплатился с заводом, полностью. После погашения, пришел в неопиcуемый восторг, надо же, как повезло, какое у нас хорошее государство, не каждому так везет и квартиру занять и отдать за нее сущие гроши, спасибо инфляция! Но затем началось, зарплата не успевала за ростом цен на продукты, на коммунальные платежи, но это еще было только начало. Позже ее, вообще, перестали вовремя выплачивать, и чем дальше, тем ее давали все реже и реже и, причем не всю, а только определенные проценты, хорошо, если давали, хотя бы процентов пятьдесят, но частенько она ограничивалась двадцатью — тридцатью. Благо, что питаться, можно было в заводской столовой, под зарплату, и брать, оттуда же, пирожки, котлеты и булочки, чтобы было чем перекусить на ужин и завтрак. Но скоро и эта лафа закончилась — завод приказал долго жить и я, человек с высшим образованием, оказался без работы. Сначала, я не очень придал этому значения, как же, такой специалист как я, будет везде востребован. В конце концов, свет не

сошелся клином, на этом «заводиншке» и я, полный оптимизма, отправился на «Биржу труда». Там, мой оптимизм, очень быстро развеялся, работы по специальности не предвидилось, все заводы и фабрики либо уже стояли, либо работали на последнем издыхании, грозя, в скором времени, пополнить и, без того полные, слои безработных. Самый прикол в том, что биржа честно отработывала свой хлеб, мне даже положили грошовое пособие по безработице, люди же, там работающие, непокладая рук подыскивали мне работу. Один раз мне предложили пойти преподавателем химии в школу, я сначала подумал, что девушка так шутит, но оказалось, что она сама серьезность.

— У вас же высшее образование?

— Да, но в химии ничего не понимаю, я же инженер по сварке, а не химик.

— Ничего страшного, в сварке тоже происходят процессы, как и в химии, тем более вы должны были проходить, сей предмет в институте. Ведь проходили же?

— Один семестр проходил, даже получил отлично.

— Вот видите, а говорите, что не понимаете в химии.

— Но девушка, как вы не понимаете, это разные вещи! Это, то же самое, что вам

предложить, только за то, что вы в школе проходили пение, устроиться в «Большой театр».

— Слушайте мужчина, перестаньте «грузить» меня всякой ерундой! Что вы от меня хотите? Вы ищете работу, я вам предлагаю. А если не хотите работать, так каково вы сюда приперлись?

— Девушка, я очень хочу работать, но если не по специальности, то хотя бы близко к тому, что умею.

— Не морочите мне голову, у меня за день проходит, таких как вы, сотни, не задерживайте очередь. Берете направление или нет?

— А если, нет?

— Дело, конечно, хозяйское, но только три таких отказа и мы снимаем вас с учета, и естественно, вас лишают пособия.

— А если, не по моей вине? Допустим, что я, по каким — то причинам, не подхожу «тамошнему» начальству?

— Это, уже другое дело, вам визируют отказ, мы его подшиваем к вашему личному делу, а вам ищем другую работу.

Самое интересное было дальше, когда пришел в эту школу, для начала, я прождал три часа директора, но потом, у нас состоялся, очень даже интересный разговор:

— Так, хорошо, извините за то, что заставил вас ждать, дела, знаете ли, как хорошо, что вас к

нам прислали, конец учебного года, а у нас дети остались, без столь важного предмета. Вашей предшественнице приспичило уйти в декрет, как будто подождать немного не могла.

— Но это все-таки природа и, в этом вопросе, нас не спрашивают, кому, когда на свет появиться.

— Да, да, конечно, я полностью с вами согласен, тем более нам на руку, что вы мужчина и сей казус, с вами не приключится.

— Это вам могу гарантировать на все сто, в ближайшее время, рожать не собираюсь, потому как даже не беременен.

— Вот и отличненько, хорошо, что вы с юмором, веселый человек в коллективе не помешает. Какой у вас стаж работы?

— Общий: — Три года и два месяца.

— Прекрасно, надеюсь документы у вас с собой?

— Конечно, вот трудовая книжка.

— Так, хорошо. Но позвольте! Здесь указано, что вы проработали на заводе инженером — технологом. А, понял — сказал он, не давая мне открыть рот — бывает, что работают не по специальности, но вы человек молодой, за это время еще не могли забыть, чему вас учили. Вы ведь не страдаете склерозом?

— Не страдаю, но....

— Ни каких, но, вы быстро вольетесь в наш

коллектив, а стаж дело наживное, все когда — то пришли впервые. Позвольте дипломчик.

Я, молча, протянул, какой смысл спорить с человеком, который не дает даже открыть рта. Он, ничего не понимая, уставился в диплом, потом на меня.

— Но здесь не та специальность. А, понял, вы перепутали и у вас есть второй, что же похвально, в таком молодом возрасте, получить сразу два высших образования, давайте.

— Что?

— Ну, второй диплом.

— У меня, его нет.

— Перепутали, и забыли дома, но ничего, принесете его завтра, я целый день на рабочем месте, мы вас быстренько оформим, а с понедельника приступите.

— Боюсь, что я не смогу приступить в понедельник, к занятиям.

— Что, недоделанные дела? Или упаси бог, неприятности?

— Да, нет, вроде все нормально.

— А в чем же, тогда проблема? Нам нельзя тянуть, экзамены уже не за горами и детям нужны знания, немного не эстетично отказывать им, в их получении.

— Да как вы не поймете, я, ни в чем не собираюсь отказывать детям...

— Вот и отлично, значит, в понедельник и приступите.

— Да не могу я приступить, не в понедельник, не во вторник и, вообще, никогда не могу приступить.

Он, непонимающе, уставился на меня.

— Что-то я вас не понимаю. Это вы пришли, ко мне, устраиваться на работу или я к вам?

— Я к вам.

— Вам нужна работа?

— Позарез.

— Так в чем дело?

— Дело в том, что я не химик.

Он посмотрел на меня как на инопланетянина.

— А кто вы?

— Инженер — технолог.

— А второй диплом?

— Да нет у меня никакого второго диплома, я закончил всего один институт.

— А зачем говорили что есть?

— Ничего я не говорил, это вы так решили.

— Ничего не понимаю. Для чего же вы меня ждали и, уже «битый час», морочите мне голову?

— Да ничего вам не морочу, вы же мне рта открыть не дали. Я бы с удовольствием устроился к вам преподавать химию, но я ее не знаю.

— А зачем вы, вообще, тогда пришли сюда? Сейчас, что у молодежи, приколы такие?

— Это скорее у Биржи, такие приколы.

Я выложил на стол направление и вкратце пересказал диалог с девицей, которая выписывала эту бумажку. Не будь директор интеллигентным человеком, он бы много сказал, в адрес той работницы, но он сдержался, просто побагровел, написал отказ, расписался, пожал руку и велел поставить печать в приемной.

Следующее направление, было тоже, весьма оригинально, некому предприятию, позарез нужен был главный бухгалтер. Спорить с девушкой о том, что из бухгалтерии я только и знаю что два слова, это — «Дебит» и «Кредит», я не стал. Какой смысл, если она сварку и химию считает родственницами, то в данном случае, можно было провести подобную аналогию, между экономикой, которую проходят в «политехе», с бухгалтерией. Молча, взял бумажку из ее рук, чем явно, разочаровал ее.

Знаете, в жизни, попадаются люди, которых хлебом не корми, а дай поругаться, обзвать, нахамить ближнему, при этом, даже косой взгляд, в их сторону, будет рассмотрен как оскорбление, а любая наглость с их стороны, должна рассматриваться как добродетель. Девушка, была, явно из этой категории людей и на мое молчание, она ответила лишь, разочарованным вздохом.

Главный бухгалтер — это прекрасно, для человека, который всю жизнь проработал в мире

цифр, это очень высокая должность и я не сомневался, что, придя на предприятие, мне тут же откажут. Но каково, же было мое удивление, когда в отделе кадров, взглянув, мельком на мой диплом, сказали, что вполне им подхожу. Я попытался возразить, что ничего в этом не понимаю. На это мне ответили, что мне в этом ничего понимать и не надо, понимать будут другие, мое же дело будет заключаться только в подписывании бумаг, и за эту, не слишком обременительную работу, я буду получать, очень даже приличное, вознаграждение. Но, конечно, отдел кадров, не может взять на себя такую ответственность, как без спроса начальства, оформить на работу, такую ключевую фигуру на предприятии, как главный бухгалтер, посему, мне требовалось, пройти на аудиенцию к самому — «Боссу». Именно он, должен поставить точку, в моем вопросе, быть ли мне «министром» финансов, на данном предприятии или не быть.

Я, хоть человек и молодой, но отнюдь не глупый, что-то было здесь не чисто. Да и по телевизору, иногда проскальзывали, кое-какие интересные материалчики. Вот, на днях, показали, как лопнуло одно из очень крупных предприятий, недостача по налогам огромная, за должность по заработной плате, выше крыши, якобы за долги, было продано почти все оборудование, которое можно было только продать. Как результат, народ,

который работал на этом предприятии, справедливо волнуется. Где его честно заработанные денежки? Грозь, снести здание администрации. И вот, наконец, из здания, в наручниках, выводят женщину, в выдавленных лучшее времена, платье и туфлях — «Прощай молодость». По толпе прокатывается рокот, начинается давка, все пытаются достать бедную женщину и если бы не наша доблестная милиция, то свершился бы самосуд. Что за монстра вывели? — подумаете вы. Но оказывается, что эта скромно одетая женщина, уже целых полгода, являлась главным бухгалтером, данного предприятия, и все финансовые операции, проходили через нее, и именно она, является причиной банкротства. Ни директора, ни зама, не оказалось на месте, не оказалось их и дома, отбыли, на неопределенный срок, в неизвестном направлении, нет их, конечно, будут искать, чтобы они ответили по всей строгости закона. Вот только сомневаюсь, что найдут. А отдуваться за то, что они нагнали, придется той бедной женщине, которая полгода, за неплохую зарплату, рисовала, на различных бумажках, свои подписи. Я, представил себя, на месте этой женщины, и меня аж передернуло. Отказаться нельзя, лишусь пособия, это, конечно, лучше, чем оказаться за решеткой. Но, почему я, из-за каких-то хапуг, должен чего-то лишаться?

В подтверждение моей догадки, возле управления, раздался, какой — то гул, я заинтересованно вышел и встал в сторонке. На улице собралась огромная толпа рабочих, они требовали директора. Тот не заставил себя долго ждать. Со стороны рабочих тут же последовали вопросы: — «Когда будет зарплата»? «Люди доведены до отчаяния, семьи голодают, нет денег на проезд, когда все это закончится»? На что директор ответил: «Да, завод переживает не лучшие времена, что предприятию должны бешеные деньги заказчики и что вся контора, чуть ли, не безвылазно, пытается выбить с них долги. Что сам директор, практически, не бывает дома, а если и бывает, то почти не ест и не спит, переживая за своих рабочих. Что ему, так же как и им нечего есть, дома у него пустой холодильник. В своих мыслях он всегда с народом и понимает его проблемы, но надо немного потерпеть и еще сильнее сплотиться в самоотверженном труде и такие забастовки только ослабят завод, нельзя допускать, ни минуты простоя». Народ выслушал своего «вождя» и стал угрюмо разбредаться, по своим рабочим местам. Что-что, а ораторские способности, у руководителя предприятия, были на высоте. Вот только образ голодного руководителя противоречил. Выглядел он, откормленным «кабанчиком», рубашка еле сходилась на пузе. На

том месте, где должна находиться шея, у него болталась золотая цепь, размерам которой, позавидовала бы овчарка, охраняющая дом. Пальцы украшали огромные перстни, да и одежонка, была куплена, не на «Барахолке», одни туфли, равнялись по стоимости, неплохому автомобилю.

Я подождал, когда его «величество» прошествовало к себе в апартаменты, и двинул следом. Секретарь сообщила, что я прибыл и тут же, незамедлительно, был принят. Как только переступил порог кабинета, на лице директора расплылась улыбочка, была, правда она не довольная, а скорее плотоядная.

— Мне звонили из отдела кадров, вы нас устраиваете, полностью, я сегодня же, подпишу приказ о вашем назначении.

— Но вы же не видели моего диплома.

— А зачем мне диплом? Это просто бумажка, мне главное человек, а по вам я вижу, что вы человек хороший. Мы с вами поставим наш завод на «ноги». Самое главное делайте, что буду говорить я, тогда сработаемся. Ну, что по рукам? — Он протянул мне руку.

Я пожал его руку, в ответ.

— Вот и прекрасно, завтра же, можете приступить к работе.

— Очень хорошо. — Ответил я и понес всякую околесицу, как видно директор сам был

«дубом» в бухгалтерии, потому как от удивления у него открылся рот. — К завтрашнему дню, попрошу вас, чтобы в моем кабинете была готова вся финансовая документация о движении денежных средств, предприятия, все его доходы и расходы, как минимум за последний год. Информация по заработной плате, номинальная стоимость предприятия, с перечнем, всего имеющегося у него, оборудования. Стоимость готовой, на сегодняшний день, продукции, а так же продукции выпущенной за год. Все поступившее за год сырье, а так же расход этого сырья, исходя на одно изделие.

Директор уставился на меня, не понимающим взглядом.

— А зачем, вам, все это?

— Как зачем? Вы же сами сказали, что мы вместе поставим, этот завод на «ноги»! Я все просчитаю, посмотрю, где у вас «дырки», то есть где идет утечка средств. Виновных накажем, передадим дела в суд. Будет меньше воровства, будет лучше всем, у нас процветание завода, у рабочих зарплата. Вы, со мной, согласны?

— Полностью, только завтра, наверное, не надо вам приходиться на работу.

— Почему? Раньше начнем, быстрее завод начнет процветать? А понял, вы не успеете собрать всю документацию. Тогда я выйду после завтра.

— Нет, и после завтра не получится.

— Почему?

— Видите ли, я здесь немного подумал и решил, что вы полностью правы, надо полностью все менять. Говорят, что рыба гниет с головы, вот и надо взяться в первую очередь за голову, то есть за управление. У нас развелось слишком много должностей, от которых можно отказаться. Я решил провести сокращение штата.

— Но главный бухгалтер, нужен на любом предприятии!

— Не спорю, но можно совмещать. Я вот, например, могу выполнять эту работу и сам. Так что извините за беспокойство, давайте бумажку я напишу отказ, печать у секретаря. Не смею больше задерживать, сами понимаете, с учетом вышесказанного, на меня обрушивается огромный фронт работы.

Я, еле сдерживая улыбку, вышел из кабинета, не до конца прикрыв дверь, и сделал вид, что у меня развязался шнурок. Голос директора не заставил себя долго ждать, он звонил в отдел кадров:

— Почему не смотрите, кого присылаете?

На том конце провода, как видно, кто-то оправдывался.

— Сами вы лохи, он разбирается в бухгалтерии, больше чем вы в кадрах! Ничего, без

меня, никто сделать не может! Не найдешь, в ближайшее время, главбуха, сам им станешь! Ладно, не дрейфь, шучу.

Буквально через месяц, в новостях показали, почти идентичный сюжет, рассказанный выше. Директор, заместитель и еще кое-кто, из высшего начальства, с этого завода, бесследно пропали, а главного бухгалтера, мужчину средних лет, «повязали». Он утверждал, что устроился туда только месяц назад, но по бумагам выходило, что он проработал уже не менее двух лет, и в результате его финансовой деятельности, предприятие стало банкротом.

Больше, со стороны «Биржи», никаких примечательных предложений не поступало, и после трех моих отказов, я лишился пособия. А куда было деваться, как не отказываться? Один раз, предложили работу в парке карусельщиком, в другом конце города, при этом такую смешную зарплату, что с учетом проезда, обеда и водички, которую я буду покупать в жару, я еще должен буду доплатить. Второй раз, санитаром в морг. Здесь, без комментариев — Бр. Третий, был не лучше, забивать скот на мясокомбинате.

Впервые в жизни я пожалел, что окончил институт, а не ПТУ, потому как если рабочие руки, еще где-то и требовались, то инженеры были не нужны никому и даром. Единственный выход был

податься разнорабочим на стройку, что я и сделал, хоть и знал заранее, что буду получать там сущие гроши. Но как оказалось, что и здесь, мои руки, ни к чему, потому как эти места были уже заняты либо «бомжами», либо приезжими молдаванами или узбеками, которые «вкалывали» за жилье в вагончике, за еду, сигареты и «паленную водюру».

Ситуация сложилась — хоть в петлю лезь. Уже даже не радовало отдельное жилье в центре, так как за это жилье, необходимо еще и оплачивать. А чем оплачивать, если есть нечего? Спасибо соседу, не дал помереть голодной смертью. В один из вечеров, когда я возвращался, не солоно хлебавши, с очередных поисков работы, он и предложил меня трудоустроить. Хоть, конечно, работенка предстояла не инженерная, но, по крайней мере, за нее оплачивали, причем, наличкой, что в наше время немало важно. И не важно, что маловато и не каждый день, но для меня это был выход. Сосед потащил меня на «черную биржу труда», где он сам уже перебивался месяца четыре. Вы, наверное, знаете, что это такое? Для тех, кто не знает: — в определенном месте собирается куча безработных мужиков, которые терпеливо ждут, когда подъедет солидная машина и ее хозяин предложит одноразовую работу, как-то, разгрузка, погрузка, чего-либо. Здоровьем меня бог не обидел, я никогда не был хлюпиком, так что поднятие

тяжестей меня не напугало, тем более что на полученные деньги, можно было жить, хоть и подзатянув пояс, но все-таки. Плохо было другое, можно было простоять целый день и ничего не заработать, так как желающих подзаработать было много, а работодателей, иногда, очень даже мало.

Так, дни шли за днями, просвета, в сложившейся ситуации, не предвиделось. Страна летела в «Тартарары» и мне еще повезло, что я вовремя зацепился хоть за какую — то работу. Со временем мы организовали свой костяк и на нашу «биржу», перестали принимать пришлых, нас и так стало слишком много, иногда приходилось пускать в ход даже кулаки, чтобы отвадить, особо назойливых. А один раз, пришлось драться стенка на стенку. «Сильно сообразительные», набрали себе толпу и разместились невдалеке от нас, да еще начали «сбивать» цену, за наш и без того грошовый труд, мы начали терять наработанных клиентов. В результате этой драки, мы отвоевали, исконно, нашу территорию, но большой ценой, двое в больнице, трое в гипсе, у остальных не сильно привлекательные физиономии, из-за появившихся там, синяков и ссадин. Трех пришлось выгнать, за то, что они трусили и не приняли участия во всеобщем побоище. Зато этот инцидент, нас всех сплотил. На собрании мы выбрали, своего рода, начальника, который честно, по очереди, выдавал

наряды на работу, то есть, все это происходило не как раньше — стихийно, кто первый подскочил тот и получил работу, кто зазевался — ходи голодный. Теперь, был введен строгий порядок, отработал, жди своей очереди, пока другие не отработают, и неважно какая работа досталась, хорошо оплачиваемая или плохо, здесь, как в лотерее, как повезет.

И все бы ничего, если бы еще один, неприятный инцидент. В один из дней, ближе к полудню, возле места нашего сосредоточения, остановилась неплохая иномарка. Все обрадовались новым клиентам. Из машины вышли два бритоголовых, «квадратных» парня.

— Кто, за главного?

От нас вышел мужик, которого мы выбрали. Они отозвали его в сторонку и начали что-то объяснять, на что он отрицательно мотал головой и пытался им, со своей стороны, что-то объяснить. Разговор затягивался, мы не понимали, что происходит, все подумали, что клиент сильно привередливый и пытается сбить цену. Встречались иногда такие «скупердяи», которые хотели получить рабочих чуть ли не задаром, поэтому поводу мы даже собрали собрание и утвердили определенную таксу, ну там плюс, минус немного, на сторговку. Решили, что вылазить за пределы данных цен не будем, исключений быть не должно,

какой бы уважаемый клиент не подъехал, дашь слабину одному, тут же появится целая очередь из желающих, а у нас, итак, не такие большие «барыши», чтобы делать их еще меньше.

Наши размышления были прерваны тем, что один из качков схватил Семеныча за грудки и начал на него орать, до нас долетела нецензурная брань. Все, как один, бросились на помощь. Мы окружили парней.

— Паря, отпусти дяденьку, он тебе в отцы годится. — Выступил с нашей стороны, подполковник, попавший под сокращение и тоже, как и мы, вынужденный перебиваться такой работой. — Не можешь договориться с начальством о работе, поговори с народом, только знай, мы все здесь как один, если он сказал, что цена нас не устраивает, то так тому и быть. И ручки распускать, здесь не надо, иначе и отгрести по полной программе можно.

Парень отпустил Семеныча и двинул в сторону подполковника.

— Ты, мне, угрожать!

Все сделали шаг вперед, показывая тем самым, что мы одна команда. «Бритоголовый» остановился, посмотрел на нас недовольным взглядом.

— Ну, вот что мужики, до вашего главного, как видно не дошло, что мы ему говорили. Вы

находитесь на нашей территории, зарабатываете деньги и все это без разрешения хозяина.

— Ты, что ли хозяин? — Выкрикнул кто-то из наших.

— Нет не я, я его посланец.

— И далеко посланец? — Выкрикнул тот же голос.

Парень, сжал свои огромные руки, в не менее, огромные кулачищи.

— Вот что, шутить я, не намерен. В общем, хозяин просил передать, что если вы и дальше намерены здесь работать, то должны платить сумму, которую я назвал вашему главному, десятого числа, каждого месяца.

— Мужики! — Подал голос Семеныч. — Если мы будем столько отдавать, то вам денег и останется, разве что на туалетную бумагу, да и та не понадобится потому, как есть, будет не на что.

— Слушай, паря! — Продолжил диалог подполковник. — У нас главный здесь один, это Семеныч. Ваш хозяин, это ваш. У нас хозяев нет, мы свободные люди, документов на землю, на которой мы стоим, у вас, как я понимаю, тоже нет. Так вот передай своему начальству, что платить мы ничего и никому не собираемся. Если ваш шеф хочет найти дойных коров, то пускай ищет их в другом месте. И еще, если мы заметим вас, на нашей территории, подчеркиваю — на нашей, то

уйдете отсюда пешочком, причем, изрядно прихрамывая.

Все, одобрительно, загудели. Парни же, недовольные, двинули в сторону, к своей машине, расталкивая, своими плечами народ, как ледакол, рубит ледяное царство.

— Ну, ну — Крикнул напоследок, тот, что говорил, садясь на пассажирское сидение, как видно он был главней. — Мы вас предупредили.

На что из толпы раздался свист, улюлюканье:

— Вали, вали, подобру, по здорову!

В этот день, у всех было приподнятое настроение, даже работа не доставляла усталости, а наоборот, была в радость. Но мы рано радовались. Наутро следующего дня, как только все собрались, невдалеке остановилось несколько машин. Из них повылазили, как близнецы, одинаковые парни. Все как один бритоголовые, в одинаковых, спортивных костюмах и все как один здоровяки, казалось, что голова у них лежит прямо на плечах. В руках они держали, кто бейсбольную биту, кто милицейскую дубину, а кто и просто цепь или трубу. Вперед их вышел с иголки одетый мужчина.

— Ну, что мужики? Вчера вы, позорно, прогнали моих мальчиков, право дело, не хорошо. Ну, да, ладно. Вы же не знали, что я хозяин этой территории. Но я человек деловой и не могу вас просто так простить, тем более вы отняли у меня

слишком, драгоценное время, вынудив приехать сюда, лично. Посему, ко вчера оговоренной сумме, я прибавляю пять процентов, в целях компенсации морального ущерба, за деньгами будут приезжать, уже известные вам парни.

Возражений нет?

На секунду, повисла тишина. Франт собрался уходить.

— Вот и хорошо, я же говорил, что все будет просто замечательно, вы же разумные люди!

— Для тебя, фраерок, замечательно не будет — подал голос отставной подполковник, все его поддержали одобрительным гулом, руки сами потянулись к тому, что было поблизости. Кто схватил палку, кто обломок трубы, а кто и просто булыжник.

— Ну что же, вы сами напросились. Ребята, покажите этому «Быдлу», кто хозяин в районе.

«Бритоголовые», двинулись в сторону мужиков, угрожающе размахивая цепями и бейсбольными битами. Расстояние между противоборствующими сторонами неумолимо сокращается и вот, когда до столкновения остаются считанные метры, происходит что-то непонятное. Всех озаряет, неизвестно откуда взявшаяся вспышка, очень яркого света и все, как один, замирают в тех позах, в которых она их застала. Цепи зависли в воздухе, так как будто на земле

отменили притяжение, у кого-то нога не коснулась земли и замерла в процессе движения, многие стоят с открытыми ртами, так и не договорив очередной мат, в адрес противника. Не шевелится абсолютно никто, затихли даже звуки, и перестал дуть ветер. Только один Сигизмунд, ничего не понимая, вертит из стороны в сторону своей головой, он единственный кто сохранил возможность двигаться, в этом окаменевшем представлении. Но и его подвижность, длится недолго. На все тело наваливается, неизвестно откуда, взявшаяся сила. Она сковывает по рукам и ногам, не давая возможности пошевелиться. Эта сила поднимает его тело, словно пушинку над землей и начинает стремительный полет, все выше и выше, в неизведанные просторы космоса. Сигизмунду, хочется кричать, от ужаса, во всю глотку, но эта же сила, не дает открыть рта. Перед глазами проносятся, словно снежинки в сильный буран, тысячи звезд, а скорость при этом, все возрастает и возрастает. И вот уже свет от этих звезд, превращается в сплошной поток. Сигизмунду становится плохо, от навалившихся на него перегрузок и последнее, что он успевает подумать, прежде чем потерять сознание.

«Меня, наверное, убили в этой потасовке, и душа моя летит на небо, а значит в рай. Иначе бы эта же сила тянула меня вниз, а не вверх. А я —

«Дурак», не верил в загробную жизнь».

Глава 2

Воин из параллельного мира

Любят родину не за то, что велика, а за то, что своя.

Сенека.

Назойливый солнечный лучик скользнул по глазам, я проснулся. Не разлепляя век, потянулся, подумал, как хорошо выспался. Пора вставать и идти на работу. «Интересно, а в холодильнике есть что пожевать? Что-то я не припоминаю, покупал я вчера что-нибудь или нет? Ладно, как бы то ни было, надо вставать, попить хотя бы сладкого чайку, уж что-что, а сахар и заварка, последнее время, для меня не роскошь». Я, еще раз, с наслаждением, потянулся, открыл глаза и одновременно сел.

«Где я?»

Глаза мои выдали очень интересную картину. Вокруг не было ни одного знакомого предмета. Стало очевидно, что я не дома. «Что же было вчера такого, чего я не помню? Может, быть у кого-то, был «День рождение» и я, хватанул лишнего? Скорее всего, так. Интересно, кто меня притащил к себе домой? Надо же было так напиться, чтобы

«башню» снесло начисто, давненько я себе не позволял такого, еще со студенческих времен. Хотя навряд ли, если бы так сильно набрался, то чувствовал бы себя при омерзительно. Я же, чувствую себя, просто прекрасно. Подожди, подожди, припоминаю, вчера же была грандиозная разборка. Может меня «саданули», чем-то, по «кочерыжке», вот память и отшибло, а меня доставили в больницу?» Я потрогал голову на предмет гематомы, но она была вполне даже здорова, да и на больницу, это помещение, смахивало так же, как квартира на завод, то есть, никак. Стены были обыкновенные, каменные. «Такие я видел всего однажды, когда был по турпутевке в Прибалтике, мы с группой ходили на экскурсию в старинную крепость». На стенах висят, то ли картины, то ли репродукции неизвестных людей. Между ними развешано, скорее всего, старинное, оружие, правда, непонятной формы. Сразу и не разберешь, что это такое, то ли боевой топор, то ли булава, а может и меч, выглядит как-то, сразу три в одном, да еще с рукоятки, свисают разной длины цепи, на которых болтаются какие-то железки. Вдоль стен стоит мебель, какой-то извращенной формы, одновременно и старина, и современность, и модерн. На каменном полу лежит огромный, скорее всего, натуральный, шерстяной ковер, с вышитым непонятным мне орнаментом.

«Это что же получается, я в музее? Очень интересно, как я сюда попал? И чем закончилась драка? Постой-ка, я же умер и улетел на небо! Это что, Рай? Честно говоря, я представлял его немного иначе: — ненавязчивый свет, идущий неизвестно откуда, все белое и идеальная стерильность, лучше, чем в операционной. Здесь же пыли, больше чем у меня в квартире, в которой я прибирался последний раз, дай бог памяти, перед новым годом. Смешно в раю просить у бога памяти. Да и воняет здесь, чем-то мирским. Чем же пахнет? Чем-то до боли знакомым. Елы-палы, так ведь это запах жареного мяса!» Рот сам, невольно, наполнился слюной, молодой организм требовал возмещения калорий. «Неужели на том свете тоже надо питаться? Я почему-то думал, что пища нужна только брэнному телу, а раз оно осталось там, то душа не должна просить жареного мяса, какая-то извращенная у меня душа. И за что только пустили ее в рай, раз и после смерти, она только и думает о еде? Надо встать и пойти на запах, может, перепадет кусочек, другой, от радушных хозяев. Тьфу ты! Каких хозяев? Здесь один хозяин — бог. Может лучше не заикаться про еду, еще разозлится и выкинет в ад? А что же тогда делать с желудком, ему, предурошному, не объяснишь, что пища, теперь ему, ни к чему? Какому желудку, у меня теперь его быть не должно, я ведь умер, а на небеса,

перемещается только душа? Лучше буду сидеть и не рыпаться, чтобы не нажить неприятностей, на мою грешную душу, пусть, даже если мне, придется подавиться, собственной слюной. Может быть, это испытание и хозяин хочет проверить меня на чревоугодие? А вот фиг ему, не дождется! И я начал думать, о чем ни будь отвлеченном. Например, о том, как приятно в летний, выходной день, позагорать на берегу реки, а если еще с хорошей компанией, да пивком и шашлычком. Рот сам, снова, невольно наполнился слюной. Нет, надо думать, о чем ни будь другом. Я вспомнил завод, где работал, свой коллектив, как отстаивал права рабочих, в кабинете главного инженера, на планерке, пока начальник цеха был в отпуске.

— Что же это твориться, молодой человек? Пока начальник в отпуске, ваши рабочие совсем обнаглели: — на работу опаздывают, уходят, порой, на полчаса раньше. Или может, вы не справляетесь и мне временно, в ваш цех, прислать, кого ни будь другого? Что же вы молчите? Я слушаю, что вы можете сказать в свое оправдание?

— А я не хочу даже оправдываться, у меня все нормально и полное взаимопонимание с коллективом и в нем меня ценят и уважают!

— Оно и видно, полный развал дисциплины, а как говорят: «Рыба гниет с головы». В данном случае, голова это — Вы!

— Ну, это вы перегнули, голова находится намного выше меня, я же нахожусь где-то в районе колена. Надо мной начальства гораздо больше, чем тех, кто находится в моем подчинении. И вина, за несвоевременную явку на работу, ложится на их плечи, а не на мои. Вот, например, и на ваши, в том числе.

— Вы забываетесь! Вы, что, мне, предлагаете заняться дисциплиной в вверенном вам цеху?

— Я вполне адекватен. Начнем с работы городского транспорта. Вы давно ездили в автобусе?

— А причем здесь транспорт?

— Понятно, давно. Попробуйте, как-нибудь, утречком доехать до завода. Несомненно, получите массу впечатлений, только предупреждаю, выйти вам придется часа на два пораньше и пробовать штурмовать каждый, проходящий мимо, транспорт, а если учесть, что много, вообще, не останавливается, из-за переполненности, то пытаться влезть, шансов останется меньше. Вы говорите, что мои рабочие регулярно опаздывают, вот здесь вы не правы. Узнайте у начальников других цехов, у них ситуация такая же, просто моим, менее повезло, их застучали на момент проверки, если ее проводить каждый день, а не как вы единыжды, то выяснится, что это вполне, нормальное явление, по всему заводу. Будет такая

картина, что, например, токарь — Иванов, сегодня опоздал на пятнадцать минут, зато вчера он приехал на сорок минут раньше, потому что, вчера ему все же удалось втиснуться. Вечером же, покидается рабочее место раньше, по простой причине, час пик начинается часов с пяти, вот люди и идут на нарушение трудовой дисциплины, чтобы попасть домой, ни к началу программы время.

— Вопрос транспорта, ни ко мне, а к городским властям, если у них что-то не нормально, меня это не касается, меня интересует только наш завод. И отговорка, о плохой работе городского транспорта, это детский лепет! Меня не волнует, за сколько времени выходит этот Иванов! Мало ему два часа, чтобы добраться, пусть выходит за три, за четыре! А если и этого мало, пусть, вообще, ночует на рабочем месте! А если его это не устраивает, мы никого не держим!

— Хорошая логика. А когда человеку отдыхать? А ведь у каждого еще и семья, что с ней прикажете делать?

— Я не лезу в семейные дела, я просто требую дисциплины и отличной работы.

— О какой, отличной работе, может идти речь? Если люди, пока добираются, уже вымотаны на — «Нет». Да вы, вообще, скажите спасибо, что они приезжают! Я, порой, удивляюсь их стойкости и героизму! Не получая зарплату по пол года, они

умудряются оплачивать транспорт, да еще брать какие, никакие тормозки.

— Я еще раз повторяю, кому не нравится, свободен, увольняйте!

— А кто будет работать? Четыре недели тому назад, я уволил слесаря «золотые руки» за регулярное прикладывание к спиртному, во время рабочего дня. И что?

— Что?

— А ничего. За все это время, никто на его место не пришел, хотя объявления о вакансии дали во все места, куда только было можно.

— Что, вообще, никто не обратился?

— Почему же, желающих было много, но как только они узнавали, какой долг по зарплате, неслись отсюда со всех ног. Вот и пришлось мне взять, этого «Забулдыгу», назад.

— Что?! Почему не посоветовались? Зачем нам — «Алкаш»? Вы еще молоды и не знаете, что безвыходных ситуаций не бывает. Можно было пригласить слесаря из соседнего цеха, мы бы его оформили на полторы ставки и все, работал бы он на два цеха. Плохо вы знаете людей, человек, за лишние рубли, готов работать гораздо больше и лучше!

— Может и так. Только за рубли, а не за обещания, что когда-нибудь, в неопределенном будущем, он может, их получит, и может быть, их

не успеет, съест инфляция. Да и нет у нас специалиста такого класса, как этот — «Алкаш». Пока его не было, у меня встало три станка, каких только слесарей я не просил, приходили, смотрели, но, ни один не исправил. Ни для кого не секрет, что у меня один из самых, старых цехов и оборудование в нем стоит, еще то, которое эвакуировали к нам, во время войны. Вот из молодых никто и не понимает, они удивляются, как, вообще, эта «рухлядь», умудряется работать. А этого «Забулдыгу» не удивляет, он вчера вышел, а сегодня все станки, уже работают.

— Что ж, приняли, так приняли. Если что случится, отвечать вам, а не мне и мне все равно что вы будете делать, но чтобы вопрос дисциплины, по вашему цеху, больше не поднимался, положено быть, на рабочем месте, в восемь, значит сто процентная явка, в восемь, положено уйти в пять, уходят в пять. Как вы этого добьетесь, это ваши проблемы. Цех вверен вам, вот вы и спрашивайте с рабочих, а если что не так, тогда я буду снимать стружку с вас. Каждый, должен выполнять свою работу. И я сижу слишком высоко, чтобы меня волновали проблемы, какого-то токаря Иванова, для этого вы туда и поставлены. Все садитесь. А теперь, я хотел бы послушать начальника транспортного цеха.

Что и говорить — начальство, это таков закон,

что последнее слово всегда за ним. Не зря говорят в народе: — «Ты начальник — я «Дурак»! Я начальник — ты «Дурак»! И такая, так называемая — планерка, три раза в неделю. На ней переливается из пустого, в порожнее, причем, каждый раз, практически, одно и то же. Главный инженер дает разнос начальникам цехов, на что те, задают, постоянно один и тот же вопрос: — Когда же, все-таки, ожидается, долгожданная, заработная плата?

И всегда слышат один и тот же ответ: — «Надо потерпеть, заводу должны бешеные деньги и со дня на день их должны отдать, ну, хотя бы, часть».

А если учесть, что такие планерки, проводятся два раза в неделю еще и у зам. директора по производству, то рабочий день, с утра и до обеда, занят всю неделю. Кому это нужно? Ничего дельного эти «посиделки» не приносят, да и рабочие предоставлены сами себе, благо, что большинство из них — «старой закалки», а это значит, «филонить» не привыкли.

Зато как приятно было, после этих заседаний, сразу же пойти, в расположенную рядом столовую, в которой кормили в счет зарплаты. Планерка заканчивалась чуть раньше, чем у основной массы начинался перерыв, и начальство первым успевало забежать перекусить, а поэтому не надо было

стоять в огромной очереди и исходить слюной, от исходящих запахов, особенно от пирожков с мясом, которые особенно удавались, и которых всегда не хватало, всем желающим.

Да что же это такое! Что у меня все сводится к мясу?

В этот момент дверь распахнулась и в комнату вошла девушка, неся на вытянутых руках разнос. Она подошла к моему ложу и расставила все, что несла, на столик, стоявший рядом. Первым делом, на него переключало огромное блюдо, с кусками аппетитного мяса, затем, поломанная на четыре части лепешка, кувшин и стакан, как видно с каким-то напитком, ну и, конечно, полотенце, чтобы вытирать руки. От запаха и вида, у меня пошла кругом голова, я еле сдержался, чтобы тут же не накинуться, на все это великолепие, но взял себя в руки, нельзя показывать свои животные инстинкты, особенно при дамах. В раздумьях о хлебе насущном, а точнее о мясе, у меня совсем вылетела из головы незнакомка, а ведь у нее можно узнать, мое месторасположение. Она, закончив сервировку, развернулась, собираясь покинуть меня в гордом одиночестве, поглощать принесенное. Я, как и подобает джентльмену, сначала прокашлялся, а затем окликнул ее:

— Извините, не знаю вашего имени, меня зовут Сигизмунд, вы бы не могли ответить на

некоторые мои вопросы?

Она, никак не отреагировала и направилась, молча, к двери.

— Простите, но не могли бы вы уделить мне чуточку внимания и, по крайней мере, сказать, где я нахожусь?

Она, опять никак не отреагировала.

— Может быть, вы не понимаете по-русски?

Открыв дверь, она повернула голову.

— Я прекрасно говорю на многих языках и на русском, в том числе. После еды, к вам придет учитель, он скажет вам все, о чем сочтет нужным. — Она вышла, закрыв за собой дверь.

Мысли о происходящем, даже отвлекли, от исходящего ароматом мяса.

«Все же интересно, где я? Если это рай, то почему он так странно выглядит? Хотя кто его знает, как он должен выглядеть? Оттуда еще никому не удалось возвратиться. На земле, мы имеем лишь ограниченное представление о нем, да и то со слов тех, кому удалось пережить клиническую смерть. Как знать, может это бред, в момент смерти мозг еще работает, вот и показывает человеку то, во что он хотел бы верить. То же относится и к аду, хотя даже, в меньшей степени, почему-то воспоминания всех очевидцев, сводятся, исключительно к раю, можно подумать, что все они, ведут праведную жизнь. Хорошо, попытаемся

думать по-другому. Если я попал в рай, то меня должен возле врат встретить святой Петр, ну, на худой конец, кто ни будь из ангелов. Если в ад, то какой ни будь чертик. И в том и в другом случае, меня никто бы не стал угощать яствами, а сразу повели бы на допрос ко «Всевышнему». Так, так я совсем выпустил из головы, что после врат меня поведут на суд и только после этого, исходя из моей жизни, определяют, куда мне перемещаться: — либо в райские кущи, либо к чертям на сковороду. Хоть что-то становится ясным. Допустим, что сами врата я проспал, с кем не бывает, теперь, значит, я нахожусь, типа в приемной. «Босс», или учитель, как его назвала, эта премиленькая девушка, как видно занят. Можно понять, мне трудно было справляться с цехом, а здесь вон какая «прорва» подчиненных, поди, усмотри за всеми. Теперь становится все, на свои места. Чтобы хоть как-то скрасить мое ожидание, они в последний раз, решили порадовать земной пищей. Не мудрено, у нас, тоже, испокон веков, перед казнью, предлагали из еды, все что пожелаешь. А они же здесь, еще и мысли читать умеют, я подумал про шашлычок, вот они его и «состряпали». Мол, покушай последний раз и айда, мил человек, на суд. А интересно, этот милый ангелочек, что меня кормит, тоже будет присутствовать на суде. Хотя на ангела она смахивает меньше всего. Рост под два метра,

иссиня-черные волосы, одета как Амазонка, а мышцам, впору завидовать Шварцнегер со Сталлоне, вместе взятые. А я то, по своей наивности, думал, что ангелы женщины хрупкие, белые. Нет, конечно, это заблуждение, они только такими и должны быть, ведь они телохранители самого всевышнего, а сюда, какого только отребья не попадает и маньяки и убийцы. И все же, в ней есть какой-то шарм, при всем, при этом, она не растеряла женственности. Да вы батенька влюбились! А еще, при жизни, говорили, что не верите в любовь, с первого взгляда. Именно поэтому, вам и хочется с одной стороны, ее еще раз увидеть, а с другой, не очень хочется краснеть в суде, перед ней, когда будут всплывать не очень приятные эпизоды жизни, как тот, например, когда в Детском доме, с пацанами, мучили кошку, привязывая к ее хвосту консервные банки. И мало ли еще чего всплывет, это единственный суд, на котором не соврешь. И все же, несмотря на это, взглянуть бы на нее еще разочек, пусть будет так, доведет до дверей зала и свободна, а я, молча, посмотрю ей вслед. А все же интересно, как бы мы смотрелись, будь мы парой? Ну, в росте, допустим, мы почти одинаковые, а вот по накачанности, я хоть парень и не слабый и со спортом всю жизнь на — Ты, но если нас поставить рядом, то на ее фоне смотрелся бы как гвоздь, на фоне доски. Очень

большая разница в бицепсах, трицепсах и тому подобному. Да ну и что, зато я человек не конфликтный, а значит, драк в доме не будет и бояться мне нечего, иначе, от ее щелчка в лоб, можно и дар речи потерять. Нет, душа у меня, просто ангельская. Ага, вот про душу, самое время и вспомнить, а не строить мысли насчет уютного гнездышка, пора опуститься с небес на землю, то есть, в данном случае, наоборот. Опять меня понесло на лирику и совсем вылетело из головы, что как только поем, сюда придет сам, учитель. И что это может значить? А это значит, что ее больше не увижу. А может это и к лучшему? Кто она и кто я? Она ангел, а я простой смертный, которых миллионы, а даже не миллионы, а миллиарды. И если ей позволяет ее положение, то она уже давно нашла, кого ни будь гораздо круче и симпатичней меня. Интересно, он придет один или с помощниками? Получается, что судить меня будут, в этой убогой приемной, а не в роскошном, божественном зале. Значит, получается, что «Рылом» не вышел, а еще говорили, что перед господом все равны. Что-то я совсем, богохульствовать начал, прости меня господи. Несу всякий бред, может у них тоже демократия и начальство не на словах, а на деле заботится о своих подчиненных и даже удасуживает их своим посещением. Все хватит, будь, что будет. Как

говорили: — «Будет день и будет пища». День — есть, пища — есть, теперь надо не дать ей остыть. Приятного аппетита тебе, Сигизмунд».

И я, как голодный волк, накинулся, на исходящие соком и ароматом, нежнейшее мясо, незнакомого животного. Запивал его, огромными глотками, неизвестного напитка, наверное, божественного, так как ничего вкуснее, я доселе, не пробовал. Остановился только тогда, когда на столе не осталось ничего, кроме грязной посуды, с удивлением осмотрелся. Неужели, в меня, могло столько влезть? А, впрочем, чему удивляться, после пережитых волнений, да еще, если взять, что шашлык я просто боготворю, а при тех затратах, которые необходимо сделать на его изготовление, он у меня был совсем нечастым гостем. Я как кот, залезший в погреб и от души объевшийся сметаны, сладко потянулся, пододвинул под себя подушки и задремал. Ничего удивительного, разморило с непривычки, от такого обилия вкусной и здоровой пищи. Как говорят в сказке: — «Долго ли, коротко...», имеется ввиду, дремал, проснулся от того, что кто-то стоял напротив меня и деликатно покашливал.

Открыв глаза, вы не поверите, кого я увидел. Напротив, стоял самый, настоящий волшебник или звездочет, таким, каким его изображают в кинематографе. Если кому-то, в свое время, удалось

посмотреть «Гарри Потер», то он, наверняка, запомнил самого главного учителя, его волшебной школы. Так вот, посреди комнаты, стояло его реальное воплощение. Та же хламида до пят, длиннющая борода, не менее длинные волосы, а на голове высокий, островерхий колпак.

— Проснулся, вот и ладушки. — Ласковым голосом изрек чародей. — Вставай, пойдем со мной.

— Значит, пришло время, а жаль, хорошее быстро заканчивается. — И, вставая с сожалением, посмотрел на грязную посуду и не застеленную кровать. Как знать, может это последнее, что было приятным в моей жизни и теперь много тысячелетий, придется скакать на раскаленной сковороде. Тяжело вздохнув, и опустив плечи, я двинулся следом за колдуном.

«Неужели, этот сказочный персонаж и есть, тот «Всевышний», которому возводятся храмы, по всему миру? Не очень он похож на тот образ, который изображают на иконах. А может, просто, и над ним годы не властны?»

Между тем, мы двигались по извилистым закоулкам старинной крепости, от наших шагов, вокруг, раздавалось глухое эхо. Что удивительно, освещение, здесь, было тоже оригинальным. В некоторых местах горели факелы, в иных, обыкновенные, до боли знакомые лампы, а в

некоторых коридорах свет шел непонятно откуда, казалось, что сами пол, стены и потолок, издают это освещение.

Шли, достаточно долго, я потерял счет поворотам, перекресткам, коридорчикам и туннелям.

«Специально запутывают, охраны то, никакой, сейчас дам дедуле в темечко и бегом домой на землю, может быть, те, кто говорят, что были на том свете, именно так и делают, душа прыг в свое тело и живи себе дальше, долго и счастливо пока не помрешь. Только, наверное, когда попадают сюда во второй раз, им за побег, сразу грозит сковорода, без всякого суда и следствия. Нет, буду идти тихо и мирно, мне возвращаться не к кому, родных нет, жены и детей тоже. Кому я там нужен? А здесь, все же есть шанс, попасть в сады «Эдема».

Наконец, наше путешествие окончилось возле массивных, обитых железом и украшенных чеканкой, дверей. Старик, не сбавляя шага, пер, прямо на них, еще шаг и он «расквасит» себе лоб. Не тут-то было, двери, как по мановению волшебной палочки, отворились сами, открыв перед нами широкую залу, посреди которой возвышался трон, по бокам, уходя к высокому своду, в два ряда, стояли мраморные колонны, между ними находились троны, но поменьше. В

данный момент, они были пусты, и только на одном из них, восседала знакомая уже мне, девушка. Огромная зала не требовала дополнительного освещения, солнечный свет равномерно распределялся по всему пространству, он шел из больших окон, расположенных по всему периметру стен, за тронами. Окна, в свою очередь, были выложены красивым разноцветным орнаментом, это способствовало тому, что солнечные лучи не ослепляли, находившегося внутри, а наоборот, создавали причудливую, красивую картину. Это трудно объяснить словами, создавалось впечатление, что ты находишься внутри калейдоскопа, но картинка меняется только снаружи, а внутри все видно гораздо четче и выразительней. И от этого девушка, с которой я не сводил глаз, выглядела в тысячу раз эффективней и сногшибательней, чем при первой, нашей встрече. Я даже онемел и встал как истукан, посреди зала, не в силах отвести взгляд, от этого, обворожительного ангела.

Некоторые меня не поймут, как можно влюбиться в такую, перекаченную машину? Уверю вас, это надо видеть, она была не такой, как мы привыкли видеть на экранах наших телевизоров, перекаченных мужеподобных культуристок, по которым сразу и не определишь принадлежность к тому или иному полу. При ее статном росте, здесь

было все, и сила, и красивое лицо, и высокая грудь, и крутые бедра, и стройные ноги. Создавалось впечатление, что это совершенная скульптура знаменитого мастера, который создал эталон женской красоты. Рассыпанные по плечам иссиня-черные волосы, придавали еще больше выразительности чертам, ее загорелого лица. Вот так, наверное, и выглядела королева амазонок. Теперь мне становится ясно, почему многие мужчины были готовы отдать свою жизнь, только за то, чтобы хотя бы один раз полюбоваться на неземную красоту. После увиденного, мне стало совершенно все равно куда меня определят, не страшила даже мысль о чертях и большой сковороде.

Из приятного созерцания, а точнее из ступора, меня вывел приятный голос «Босса»:

— Ну, что встал посреди зала? Проходи, присаживайся, в ногах правды нет. — И он указал на небольшой стульчик, который располагался прямо, напротив центрального трона, именно в нем, уже успел расположиться «Всевышний». Амазонка прошествовала через зал и встала с правой стороны от трона, небрежно облокотившись на него руками.

Если судить по нашему миру, то так могла поступить либо жена, либо любовница, о связях с которой знают все, либо дочь. Мне, почему-то, больше нравился последний вариант. На некоторое

время, я даже забылся, где и зачем оказался, все мысли были только о ней, хотелось, во что бы то ни стало, завоевать ее сердце, причем, любыми способами. Ради этого, я готов был на все: — выть на луну, петь баллады, биться с драконом, даже сорвать луну с небес. В общем, выполнить все, чего пожелает эта красавица.

— Ну, что ж начнем. — Прозвучал голос старика, и я сразу скис, все, луну с небес, можно выкинуть из головы. Я огляделся по сторонам, никто больше, пока я был занят своими мыслями, не прибавился, это уже хуже для меня. Значит, о голосовании присяжных не может быть и речи, он сам будет и адвокатом и прокурором и судьей, как скажет, так и будет.

— А разве больше никто не придет? — Высказался, неуверенно, я.

— Нам не нужны лишние глаза и уши, то, о чем мы будем говорить здесь, не должен знать никто, кроме присутствующих в этом зале, а тем более видеть твое лицо и лицо Заны. По крайней мере, пока не определимся, что с тобой делать в дальнейшем.

«Значит, ее зовут Зана, только мне от этого не легче. И какую роль она играет в этом спектакле, если не про меня, не про нее, не должен знать никто? Насколько я помню, из истории, только одно лицо никто не должен был видеть, это лицо

палача. Что касается меня, то, скорее всего, моего лица не должны видеть только по одной, простой причине, участь моя уже решена, и он не хочет, чтобы потом, кто ни будь, в него тыкал пальцем и рассуждал о несправедливости суда. Нет свидетелей, нет человека, а значит, и нет проблем. Сейчас, он быстренько скажет решение, затем, она откроет створки в полу и даст мне пинка, прямо в пекло, своей, прекрасной ножкой. Одно только радует, напоследок ощущу прикосновение ее нежной и бархатистой кожи. Да и этого не получится, джинсы мешают. А может, они перед этим прикажут раздеться до гола? Размечтался. А если нет, то сам попрошу, как последнее желание, будет, что вспомнить в Аду».

— Что ты молчишь, почему не задаешь вопросов? — Поинтересовался старик.

— А что говорить? Я жду, когда вы огласите свое решение.

— Какое решение? Обычно те, кто впервые к нам попадают, задают мне много вопросов.

«А значит, я был прав, когда думал, что отсюда сматывают удочки, раз есть те, кто попадает не впервые. А интересно, здесь имеются профессиональные бегуны, кто бегал трижды и более?»

— Неужели тебе не интересно где ты, почему сюда попал и кто такие мы, наконец?

— Знаете, когда я здесь очнулся, извините, по какой-то причине проспал врата, но это сами понимаете мелочи, с кем не бывает.

Старик переглянулся с Заной.

— Откуда ты знаешь про врата? — Спросил он.

— О, да у нас много на земле, что знают про вас, в том числе и про врата, только представляют немного иначе.

Старик, аж привстал.

— Откуда?

— Ну, этих подробностей я не знаю, этот вопрос не ко мне, я мало этим интересовался, только общие положения. Так вот, как я только проснулся, начал анализировать, что произошло со мной, и сразу все понял, где я, кто вы и как попал сюда. Теперь внимательно слушаю вас. Какая участь меня ожидает?

— Подожди, подожди. Какие такие общие положения? Ты хочешь сказать, что у вас есть люди, которые знают про нас еще больше тебя?

— А вы в этом еще сомневаетесь? Из поколения в поколение, существуют те, которые, всю свою жизнь, отдают служению вам. Или они за многие столетия, существования религии, не разу не попадались?

— Никто к нам не попадался! И о какой религии, ты ведешь речь? Ты хочешь сказать, что

наша существование возведено в ранг религии?

— А как же иначе, испокон веков у нас строятся храмы, в которые ходят толпы верующих. Вот только я, честно признаться, до сегодняшнего дня сомневался, в чем глубоко раскаиваюсь.

— Складывается такое ощущение, что мы говорим с тобой на разных языках.

— Отчего же, премиленькая беседа.

— Давай сначала.

— Всегда, пожалуйста, я никуда не тороплюсь. — Я выразительно посмотрел на то место в полу, где по моим размышлениям должны открываться створки в Ад. Старик поймал мой взгляд и тоже уставился на пол. Пытаясь понять, чего интересного я там увидел?

«Дурачком прикидывается» — подумал я.

— Тогда давай так, рассказывай все, что ты про нас знаешь.

— Я уже говорил, что не так много.

— Ну и тем не менее.

— Хорошо. Начну с того, что знаю, что родились вы в сарае.

— Кто я? Да как ты смеешь?

— Извините, не хотел вас обидеть, просто у нас все так говорят. И потом, не надо на меня кричать, вы, а не я, хотели узнать, что я про вас знаю!

— Продолжай, постараюсь, впредь, быть

более сдержанным.

— Ладно, детство и юность пропущу, так как не знаю, как вы росли. Продолжу с того момента, как вы набрали себе двенадцать учеников, впоследствии апостолов и ходили с ними по разным деревням и городам, лечили всех страждущих и творили всякие чудеса. Но однажды, когда вам исполнилось тридцать три года, вы встретили плохого парня, он был из римлян, и являлся наместником города, и ему не понравилось то, что простой народ, верит вам больше чем ему. Тогда он приказал, немедленно вас арестовать. Но простые люди вас спрятали. И кто бы мог подумать, что один из учеников, продаст своего учителя всего за тридцать Серебрянников. После чего, вас распяли на кресте. Сначала долго мучили на жаре, не давая, ни пить, ни есть, а, в конце, концов, проткнули копьем, прямо в сердце. После проделанного злодеяния, они отнесли вас в пещеру, а вход завалили огромным камнем. Но люди, искренне верили в вас и под покровом темноты пробрались в пещеру, чтобы перезахоронить брненное тело, но каково было удивление, когда его там не оказалось. А на третий день вы воскресли и явились к своему ученику. После того случая, люди еще больше начали веровать и по всей земле воздвигать храмы.

— Все понятно. Значит, ты думаешь, что я бог?